

Сюжет

Что связывает картины Казимира Малевича, климатические аномалии, кардиологию и комиксы? Если прочитаете роман «Чуров и Чурбанов», вы это поймете. Его герои, как и в сборнике рассказов Ксении Букши «Открывается внутрь», – наши современники, жители Петербурга. Люди небогатые, скорее даже бедные, неустроенные, несчастливые, с трудной судьбой, больные, одинокие старики, брошенные дети. Но если рассказы читаются мучительно тяжело, то роман – легко, с неослабевающим до конца текста интересом.

Автор переменял манеру изложения, а главное, нашел притягательную для читателя тему. В основе сюжета – фантастическая теория синхронизации. По словам Ксении Букши, идею она взяла у Кена Кизи. Но у американского писателя речь идет о синхронизации мыслей, у нее – о синхронизации сердечных ритмов. По этой теории есть люди-синхроны. У них сердечные ритмы совпадают. Если к такой паре подключить больных с патологией сердца, они излечиваются. Достаточно просто поселить их в одной палате с синхронами на длительное время. Беда в том, что в случае смерти одного из синхронов подсинхроны (больные с патологией сердца) тоже погибают. Неожиданно выясняется, что в случае одновременной гибели синхронов подсинхроны не только выживают, но и выздоравливают. Сразу намечается этическая проблема: самопожертвование ради спасения. Но не слишком ли высока цена?

В романе мысль о синхронизации возникает неожиданно, очень естественно, по мотивам чисто романтическим. Чурову, влюбленному в однокурсницу Аги (Агнессу), хочется, чтобы их сердца бились в одном ритме. Поэтическая мечта, не более. А товарищи Чурова, студенты-медики, решили проверить эту идею на практике. К большому разочарованию Чурова, синхронности с сердцем Аги не

нашли. Зато неожиданно совпали сердечные ритмы Чурова и Чурбанова. В последующих главах теория возникает уже как медицинская. К ней скептически относятся врачи, в том числе и Чуров, ставший кардиологом. Зато больные, их родственники ухватились за идею синхронизации, как за соломинку. Эта история, обрастая новыми деталями, создает и поддерживает напряженность сюжета и читательский интерес вплоть до финала.

Девочка не растет, собачка не стареет

*Так недоносок или ангел,
открыв молочные глаза,
качается в спиртовой банке
и просится на небеса.*

Николай Заболоцкий

Эти строки поэта выражают суть художественного мира, который создает Ксения Букша в «Чурове и Чурбанове». Больные люди в больном обществе. Очевидно поэтому критики называют прозу Букши «жестким реализмом». Вот и в аннотации к «Чурову и Чурбанову» («АСТ») читаем: «...жесткий реализм и лиризм, юмор и гротеск». Да, проза жесткая. Но Букша не реалист и никогда им не была. А вот что она сама говорит о своих книгах: «В разных книжках у меня кусочки реальности разного размера. Например, в «Заводе “Свобода” я брала интервью у реальных людей, использовала их прямую речь. В “Открывается внутрь” местами тоже прямая речь есть, но меньше, и герои тоже не взяты напрямую из так называемой реальности. Ну а в “Чурове и Чурбанове” реальность накрошена еще мельче».

Дмитрий Быков назвал роман «Завод “Свобода”» сюрреалистическим. С этим можно согласиться. Книга похожа на коллаж: воспоминания работников ле-

нинградских заводов совмещены с условными персонажами. «Открывается внутри» – истории болезней души и тела. Многие тексты явно экспериментальны. Краски сгущены до предела. По стилю книга ближе всего к экспрессионизму.

А что же с мелконакрашенными, по словам автора, кусочками реальности в «Чурове и Чурбанове»? Автор, кажется, совсем не заботится о психологических, реалистических мотивировках, даже о бытовом правдоподобию. Чуров и Чурбанов антиподы. Чуров – полноватый, рыхловатый, спокойный, рассудительный, даже флегматичный. Чурбанов – высокий, широкоплечий, импульсивный. Сначала действует, потом думает. У них не может быть синхронного сердечного ритма. Это очевидно любому читателю. Не надо быть медиком. Между тем никакого читательского «не верю» не возникает. Если синхронизацию рассматривать метафорически (сильные поддерживают слабых), Чуров и Чурбанов в самом деле синхронны. Они оба обладают обостренным чувством справедливости и всегда готовы прийти на помощь. Школьник Чуров наклеивает бумажное черное сердце на дверь кабинета злой учительницы, которая затравила одноклассницу Чурова Сашу Улитину. Повзрослев, Чуров становится хорошим врачом-кардиологом и каждый день спасает своих пациентов.

Чурбанов, не оценивая соотношение сил, бросается спасать от бандитов незнакомую молодую женщину, защищает от вымогателей старую бабу Валю, избавляет от депрессии девушку-панка. Правда, столь экстремальным способом, что оба они едва остались живы. Поверить, что Чурбанов согласился на опасный медицинский эксперимент, легко. Сложнее с Чуровым. Как врач, он никогда в синхронизацию не верил. В отличие от одинокого Чурбанова, у Чурова жена и две дочери. Его внезапное решение принести себя в жертву не кажется убедительным.

История Байи изложена тоже без мотивировок, схематично. «Через полтора года их знакомства Байя полюбила Чурбанова и захотела жить с ним вместе. <...> Байя никогда не вернулась туда, откуда сбежала к сестре». Это похоже на комикс. Подпись под картинкой.

В романе есть очевидные несообразности. Чуров познакомился с Байей на последнем курсе. У нее уже была шестимесячная дочь Вика. Чуть раньше он завел собаку. Из текста можно заключить, что с тех пор прошло около пятнадцати лет. Но вот чудо: собачка не стареет, девочка не растет. Скупо набросанные автором детали поведения, речи, одежда Вики не оставляют сомнений: перед нами ребенок шести-восьми лет. Недосмотр автора? Не думаю. В «Чурове и Чурбанове» изобразительная манера Букши заметно смещается в сторону абстракции.

Супрематизм

Я с детства не любил овал.

Я с детства угол рисовал.

Павел Коган

Помимо романов и рассказов, Букша написала биографию Казимира Малевича. Думаю, что ей близок метод этого художника – супрематизм, с его доминантами цвета, геометрических форм, композиции.

Цветовая палитра в книгах Букши однообразна, преобладают серые и черные краски. Их много и в последнем романе. Серое небо, серый тюль на даче Чурова, серые простыни в больнице, где проходят практику Чуров и Аги. Черная вода Невы, черные пальто и куртки бандитов, иссиня-черные волосы Байи. Но

сейчас»». Это питерская улица? Возможно. А возможно, это улица Екатеринбурга, Серова, Нижнего Тагила, Челябинска. «Чурбанов жил в ветхой двенадцатиэтажке среди грязей Юго-запада». И грязь везде найдется. Но что же тогда принимают критики за мрачную питерскую атмосферу? Ксения Букша в рассказах и романах описывает непригодное для жизни, обезображенное человеком пространство. Промзоны, ветхие, еще советского времени многоэтажки, ржавые гаражи, захлапленные дворы, сырые темные подъезды, трещины на стенах и потолках. Но это не специфически питерская, а универсальная картина города.

Люди без лиц

*Вот – в щели каменные плит
мышинные просунулись лица,
похожие на треугольники из мела
с глазами траурными по бокам.*

Николай Заболоцкий

Вот такие же страшные, пугающие лица можно увидеть на рисунках Ксении Букши. Издательство «АСТ» включило их в книгу в качестве иллюстраций: «...я люблю рисовать, но предпочитаю не реалистичные фигуры, а почеркушки... <...> ...Какое-то уловленное движение, жест...» (из интервью Ксении Букши агентству «РИА Новости» 29 ноября 2019 года).

Так рисуют дети и современные художники. Мальчик Федя, один из персонажей романа, нарисовал на обоях свой портрет. Получился человек с большой головой, квадратным туловищем, глазами-точками. И снова сходство с супрематизмом. Важнее суть персонажа, идея, схема, доминанта: мордатый полковник, белые (седые) волосы бабы Вали, низкий лоб, широкие плечи географички. Словесные портреты в романе лаконичны и гротескны: «Инга Ефимовна была выгоревшая врачиха, жестяная, страшная, с дырками вместо глаз». Букша редко рисует лица персонажей. Похожее на фарфоровую тарелку лицо Байи, скорее, исключение. Нет лиц даже у заглавных героев. Как нет лиц на картинах позднего Малевича: только головы и торсы. Букше важнее доминанта персонажей – их доброта и отзывчивость, а не зримые реалистические портреты.

Климат

*Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним глагом.
<...>*

*Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.*

Александр Пушкин

Так и случится в романе. Действие будет развиваться под шум дождя и завывания ветра, а стихия обрушится на город именно в ноябре. Ненастье – единственный петербургский мотив в прозе Букши. Впрочем, еще больше ее интересуют глобальные изменения климата, природные аномалии. События третьей и двенадцатой глав развиваются на фоне аномально теплого октября. В текст включены сообщения о погоде, причем не только питерской: «...И о погоде, –

